

Георгий СМИРНОВ

Бродяга

И

ДОМОСЕД

(рассказ)

Георгий Смирнов

Бродяга и Домосед

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68485505

SelfPub; 2022

Аннотация

Два человека в странном мире, такие разные и такие одинаковые. В чем смысл их встреч, неясно даже им самим.

Георгий Смирнов

Бродяга и Домосед

Он пришел ближе к вечеру. На дворе стояла золотая осень, тихо падала с деревьев листва. Солнце уже наполовину скрылось за холмами, но для начала октября было еще очень тепло. Тишина разлилась по округе, и только где-то в лесу, вдалеке, иногда кричала какая-то птица. Природа отходила ко сну. Я сидел на открытой веранде и курил, глядя на дорогу. На плечи себе я накинул легкий пиджак, да и тот был просто данью осени.

Дорога проходила мимо моего дома. Она выныривала из леса, причудливой лентой пересекала луг. Потом на ее пути возникала маленькая тихая речка, через которую был перекинут неказистый деревянный мостик. За мостом начинался мой сад, огражденный невысокой изгородью. Дорога пробегала мимо маленькой никогда не запирающейся калитки и уходила вдаль, в холмы. Что творилось с нею дальше, я не знал. Я никогда не покидал своего дома.

Каждый вечер я сижу на веранде, курю и смотрю на дорогу. Она очень разная, никогда она не бывает такой же, как вчера. Весной она оживает после зимней стужи, ручьями сходит сковавший ее ледяной покров, каждым изгибом, каж-

дой кочкой своей радуется она наступающему теплу. Летом, уставшая от дневной жары, медленно тянется она мимо калитки, с трудом перетекая по пыльным ухабам. А то неожиданно налетит ливень, гром, молния, потоки воды хлынут с разверзшихся небес на землю, а она вскинется, встрепетается среди бегущих пенных ручейков и луж, и как побежит вдаль, к холмам – только ее и видели. Осенью дорога обретает степенность, странную неторопливую важность. Гордо выходит она из леса, постепенно укрываясь на зиму падающей листвой, с какой-то забавной осторожностью перебирается через мостик, видно, боясь ненароком оступиться и коснуться остывающей речной воды, и дальше, уже осмелев, проходит мимо моего сада, калитки, и скрывается за холмами. На зиму дорога засыпает, но сон ее неровен, видно, как ворочается она порой под снегом, тревожимая метелью, вздыхает тяжело на поворотах, но, вдруг, бывало, затихнет – не шелохнется, ни снежинки не колыхнет – видимо, снится что-то хорошее.

Моя трубка почти догорела, когда я заметил его. Он вышел из леса, дорога под его ногами резвилась веселым щенком, все норовила вильнуть покруче, пуститься с ним взапуски, наперегонки, кто кого. Я ее понимал. Ведь по ней никто не ходит, так как же не радоваться даже случайному путнику. Но путник не был случаен, он шел ко мне. Я выбил трубку, поднялся с кресла и пошел к калитке.

Он приближался не торопясь, видно, что ходьба доставля-

ет ему удовольствие. Старые, вытертые почти до бела джинсы, тонкая куртка из мягкой коричневой замши, стоптанные кроссовки да небольшой рюкзак, перекинутый через плечо – весь его вид говорил о любви к бродяжьей жизни, и это было правдой. Он был бродягой. В зубах его перекатывался сорванный стебелек травы, руки засунуты в карманы. Он шел легко, с интересом разглядывая все, что встречалось на пути – деревья, небо, траву, камни под ногами. Дойдя до деревянного мостика, он остановился, улыбнулся ему как старому знакомому и ласково похлопал его по растрескавшимся перилам. Потом поднял голову и заметил меня. Я помахал ему рукой. Он махнул мне в ответ и уже быстрее, почти не отвлекаясь по сторонам, зашагал мимо моего сада к калитке.

– Привет, Бродяга! – окликнул я его.

– Привет, Домосед! – широко улыбнулся он в ответ и протянул крепкую загорелую руку. Я с удовольствием пожал ее, а потом мы обнялись, ведь не виделись очень давно.

– Как живешь, что у тебя нового? – спросил он.

Я не ответил, лишь схватил его за рукав и пихнул в направлении дома. Потом аккуратно прикрыл калитку и поднялся следом за ним на веранду.

В прихожей он сбросил рюкзак с плеч, скинул кроссовки и, вытянув руки в стороны, медленно, с наслаждением потянулся.

– Устал я... – словно извиняясь, сказал он. – Да и соскучился по тебе, Домосед, ей богу! Шутка ли, считай, пол года

не виделись!

– Иди в ванну, после поговорим! Чистая одежда и полотенце уже там!

– Иду, иду! А то запачкаю тут все, всю твою идиллию нарушу! Чистюля... Каким был, таким и остаешься, сколько тебя помню. – Бодро насвистывая что-то себе под нос, Бродяга скрылся в ванной. А я задумался.

*****

Сколько я его знаю? Столько, сколько себя помню. А сколько я помню себя? Сколько лет и зим сменилось, пока я живу в этом доме? Много, очень много, но я и не задавался целью их считать. Мне нравится мой образ жизни, смена времен года за окном. Я люблю мой сад, ухаживаю за ним, а это, поверьте, требует немалых усилий. За домом у меня есть и огород – три теплицы, несколько грядок, дома – цветы. Я трачу на это достаточно времени, но за то зимой у меня нет никаких проблем с фруктами и овощами, и зелень на моем столе круглый год. А зимой, когда за окном метет метель и воеет холодный ветер, как приятно смотреть на распускающийся цветок в тепло натопленной комнате.

Но только не думайте, что вся моя жизнь заключается в уходе за домом и за садом, нет! Каждый день после обеда я читаю, тем более что выбор литературы у меня огромен. Если мне нужна какая-то книга, то надо всего лишь на всего

спуститься по старой скрипучей лестнице в подвал, пройти по коридору несколько шагов, миновать дверь, ведущую в винный погреб. Следующая за ней дверь – вход в книгохранилище. Зайдешь, щелкнешь выключателем – и такое в душе умиротворение. В неярком электрическом свете видишь – стеллажи, стеллажи, стеллажи... Бескрайнее море стеллажей, а на них – книги. Самые разные, здесь можно найти все, что только взбредет тебе в голову. И на всех языках, наверное. Сам-то я языками плохо владею, из старых знаю только английский, русский, немецкий и чуть-чуть французский, больше еще выучить не успел, так что часть книгохранилища для меня еще загадка. Ходишь, бывало, между стеллажами, смотришь на корешки, и вдруг взгляд останавливается на каком-то одном, берешь книгу с полки – и как глухой. Листаешь ее, а перед глазами жучки бегут, таракашки незнакомые. Иероглифы. А о чем они тебе сказать хотят, не понимаешь. Смотришь только на иллюстрации, если есть – а толку-то! Не слышишь ты книгу, немая она для тебя. Порой очень даже обидно бывает, но ничего не поделаешь...

Только вы не думайте, что я все книги так отыскиваю. Я и границ-то хранилища не знаю, до противоположной стены ни разу и не доходил. Заблудиться боюсь. Если мне что-то конкретное надо – пожалуйста, прямо перед входом компьютер стоит. Оформляешь заказ, и буквально через десять секунд – хоп! Прямо под монитором ящичек есть – открываю и забираю. Туда же и возвращаю, к чему мне книги наверху

складывать, если здесь им такое место оборудовано! Хотя, признаться честно, возвращаю я, конечно не все. Есть и любимые авторы, которые пополняют шкаф в кабинете. Само их присутствие там согревает душу, создает приятную мне атмосферу в доме. И если, бывает, возьму в хранилище ерунду какую-нибудь, второй раз вниз в тот же день не спускаюсь. Значит, пришло время перечитывать что-то из старенького. Но вкус меняется с возрастом, и иногда книга, что раньше стояла у меня в кабинете, возвращается вниз. Такая судьба не грозит только альбомам по искусству, что так приятно полистать вечерами.

Есть у меня еще один книжный шкаф, в холле. Этот шкаф – моя гордость, книги в нем – результат моих пеших экспедиций по книгохранилищу. Порой случается, что, спустившись вниз, не хочется ничего конкретного. Тогда я привязываю к дверной ручке конец капроновой веревки, целая бобина которой специально для таких обстоятельств стоит перед входом, беру ее в руки и ухожу бродить книжными лабиринтами, периодически отматывая необходимую длину. По ней же я и возвращаюсь назад, к выходу, чаще пустой, но иногда – с находкой. Именно для них – шкаф в холле. Они – жемчужины моей коллекции. Они – это древние фолианты, заключенные в тяжелые оклады, обтянутые кожей, инкрустированные золотом и серебром, а, порой, и драгоценными камнями, с рукописными текстами и дивными миниатюрами на полях. Некоторые из них мне удалось прочитать, некоторые только

ждут своего часа, но мне все равно приятно брать их в руки, перелистывать тяжелые пергаментные страницы и вдыхать их дивный запах – запах времени. Там же хранятся у меня и рукописи, которые мне удалось отыскать. Как древние, так и достаточно современные. Есть там несколько экземпляров, созданных самими авторами. Из них почти все напечатаны на машинке, но я думаю, что это все-таки первые копии, и только два рукописных. В поисках подобных диковинок я провел достаточно много времени, но не обнаружил никакой системы их расположения в хранилище. Кажется иногда, что мои скитания между стеллажами вызывают жалость, непонятно, правда, у кого, и только тогда мне подбрасывают что-нибудь стоящее, но это, конечно, ерунда. Просто порой везет, а порой и нет.

Лучшая моя находка – клинописная глиняная табличка, шумерского, как мне кажется, происхождения – висит у меня в кабинете над письменным столом, заключенная в специальную деревянную рамку со стеклом, которую я сделал для нее своими собственными руками.

*****

Пока Бродяга принимал душ, я занялся ужином. Овощной салат и кусочки сочного мяса, лишь слегка обжаренные на сковороде – пусть говорят, что наесться перед сном плохо, а по мне ничего не может быть лучше. Сквозь шквор-

чание сковороды я слышал шум воды за стеной и веселое посвистывание Бродяги. Мне всегда нравилось, как он свистит. Сам я не умею выдавать такие звонкие, чистые рулады, сколько не пытался. Видимо, это врожденное, ему свистеть так же легко, как и дышать. Но никакой зависти к нему я не испытывал, для этого я слишком рад его нечастым визитам – что ни говори, а постоянное одиночество угнетает.

Когда Бродяга вышел из душа, вымытый, посвежевший, в чистой рубашке и легких спортивных штанах, ужин был уже на столе. Зная его нелюбовь ко всему, что хотя бы слегка отдавало официозом, я накрыл на кухне. Бродяга остановился в дверях, потянул носом и довольно зажмурился.

– Узнаю старого сибарита! Сколько можно баловать себя вредной, жирной, тяжелой пищей? Правда, одно достоинство у нее все же есть – она божественно вкусна! – с этими словами он решительно отодвинул стул и уселся, довольный, прямо на мое место.

– Опять ты за свое! – я поглядел на него с укоризной, но он сделал наивное лицо и посмотрел на меня полными притворного недоумения глазами. Мне осталось только рассмеяться и сесть напротив. Это повторялось каждый его приход и стало уже нашей доброй традицией.

– Что будешь пить? – спросил я его, уже заранее зная ответ. – Может, все таки вина? Я как раз отыскал прекрасное «Божоле»...

Бродяга обиженно выпятил нижнюю губу и нахмурился.

– Ну хотя бы раз попробовал что-нибудь приличное! – я встал и направился к холодильнику. – Лопнешь ты когда-нибудь от своего пива!

При виде двух запотевших пивных бутылок лицо Бродяги озарилось неподдельной радостью, но он все равно не преминул мне заметить:

– Один раз я уже пробовал! И, между прочим, это ты меня соблазнил. И чем все это кончилось?

Я тяжело вздохнул, открывая ему бутылку.

– В который раз тебе объясняю – ты сам виноват! Кто тебя просил выпивать сразу три бутылки коньяка, да еще запить все это пивом? Я?

– Конечно! – ничтоже сумняшись, заявил Бродяга. – Я же не виноват, что твой коньяк оказался таким приятным на вкус! А после него меня одолела жажда, так что, по твоему, было делать?

– Меру надо знать, меру! Привык пить пиво литрами – думаешь, все остальное пьют так же? – мы весело глянули друг на друга. – Ладно, есть давай, а то остынет!

Мы принялись за еду, разговор временно затих. Видно было, что Бродяга сильно проголодался. Первая порция с его тарелки исчезла моментально, еще быстрее испарилось пиво, так что мне пришлось вставить ему за добавкой. Ел он вкусно, с аппетитом, почти не пользуясь вилкой и ножом. Крепкими белыми зубами разрывал он куски мяса, сок стекал по его подбородку, но он не обращал на это никакого

внимания. Шумно прихлебывая пиво, он иногда хитро поглядывал на меня, и в глазах его плясали веселые чертики. За окном уже стемнело.

После ужина мы сидели на веранде и курили, ощущая приятную тяжесть в желудках. На небе появились первые звезды. Я смотрел на Бродягу, и сердце мое сжималось от радости.

Когда мы расходились ко сну по своим комнатам, он крепко сжал мою руку и сказал:

– Ты знаешь, а я правда по тебе чертовски соскучился! Как все-таки приятно иногда возвращаться!

– Я тоже скучал по тебе! Спокойной ночи!

И мы отправились спать.

*****

Бродяга... Я знаю его, почти как себя, но порой мне кажется, что не знаю его совсем. Я знаю все его привычки, знаю, что он любит есть, знаю что пиво для него – лучшая выпивка, что обычно всем книгам он предпочитает географические атласы и путеводители, что курит он исключительно сигареты, но сказать, что я его понимаю... нет, не могу. Откуда он появляется и куда уходит после тех дней, которые гостит у меня? Не знаю.

Мне не дано понять его страсти к путешествиям. Не к путешествиям даже – к бродяжничеству. Почему не сидится

ему на месте, что ищет он в этом большом мире за лесом и холмами? Или ему важен сам процесс перемещения в пространстве, от него он получает радость и вкус к жизни? Может быть. Не уверен.

Он всегда приходит неожиданно. Может заявиться ранним утром, когда я еще сплю, и кидать в окно камушки, пытаясь меня разбудить. Может придти днем, когда я работаю в саду, встать у калитки, положить голову на руки и смотреть, как я пропалываю какую-нибудь грядку, никак не заявляя о своем присутствии. Только ночью он не приходил ни разу, за что я ему крайне благодарен. Ведь он тоже хорошо знает меня, понимает, что для меня сон – большое удовольствие. И если с утра пораньше я еще могу подняться, проклиная, на чем свет стоит, ту раннюю пташку, которая заставила меня это сделать, среди ночи я вылезу из постели только ради одного – прибить мерзавца к чертовой матери. Хотя ни разу за всю жизнь такого со мной не случилось, так что, весьма возможно, я себя переоцениваю.

Никакой системы, никакого графика его визитов ко мне не существует. Он может не появляться у меня год, потом заскокить на день, и пропасть еще на полгода, а может прожить у меня месяц, исчезнуть на пару дней и воротиться вновь, еще на неделю-другую. Хотя больше месяца он у меня не живет – видно, как хиреет от безделья, не знает, куда себя пристроить, чем занять – и, глядишь, вновь стоит у калитки в своих стоптанных кроссовках с рюкзаком через плечо. Мах-

нет рукой, улыбнется на прощанье – и в путь, до следующей встречи. Я никогда его не удерживаю. Слишком уважаем мы свободу друг друга, слишком дорожим нашей дружбой, чтобы пытаться друг друга изменить.

Когда он останавливается у меня, в доме начинается полный кавардак. Порядок, который я неизменно поддерживаю изо дня в день, в его присутствии тает, как дым на ветру. Возникает ощущение, что все вещи в доме буквально сорвались с цепи. Они забывают положенные места, перемещаются из комнаты в комнату с маниакальным упорством, и я просто не в силах удержать их хотя бы в каких-то пределах. Причем это касается даже тех вещей, интереса к которым Бродяга не питает. Трубки из моей коллекции неожиданным образом покидают кабинет и разбредаются по всему дому. Найти их мне случалось в самых неожиданных местах – на чердаке, в чулане, даже в садовой беседке. Книги исчезают из шкафов, но за то теперь, куда бы ты ни пришел, всегда найдется что-нибудь почитать. Интересно, что философские трактаты имеют склонность собираться в районе туалета. Видимо, это место привлекает их своей сосредоточенностью, неторопливостью, сконцентрированностью. Я уже не говорю про всякие безделушки, некоторые из которых я нахожу, спустя месяцы после очередного пребывания Бродяги у меня дома. Кажется, что в его присутствии даже репродукции на стенах не способны висеть спокойно, ровно, все нороят перекокситься, порой даже покачиваются, но это, скорее всего, все ж та-

ки сквозняки. . .

Единственным оплотом спокойствия в доме является шкаф с древними фолиантами. Первые дни Бродяга только иногда подходит к нему, и рассматривает сквозь стеклянные дверцы старинные тома, оплетенные кожей, и папки с рукописями. Посмотрит молча и отойдет, так ничего и не спросив, но я то знаю, как ему интересно, появилось ли что-то новенькое. И я тоже молчу, терплю. Пусть помучается. А потом, вечером, я открываю шкаф и представляю ему мою новую находку. Как загораются его глаза, с каким трепетом он берет в руки еще один экспонат, пополнивший мою коллекцию. И в этот момент я понимаю, что книги он любит не меньше моего, просто относится к ним несколько по-другому, чем я. Он благоговееет от человеческого тепла, в них вложенного, от рук автора, касавшихся еще только выскобленных пергаментных страниц или листа бумаги, вставляемого им в печатную машинку. По моему, Бродяга в такие моменты пытается через находящиеся в его руках страницы ощутить то состояние, в котором находился автор, пишущий эти строки. Он хочет предельно приблизиться к тому акту, в результате которого на пространстве листа, не важно, бумажного ли, папирусного, да хоть бы и на табличке из сырой глины, возник текст. Знак за знаком, буква за буквой – не важно, без разницы, на каком языке, лишь бы прикоснуться, наиболее полно ощутить странный, необъяснимый процесс рождения текста, процесс его творения. В этом мы с ним по-

хожи, в эти минуты я готов простить ему все, что угодно. Так мы с ним и стоим, разглядывая страницу за страницей, медленно перелистывая доставшееся нам в руки сокровище. Это может продолжаться час, два, иногда и больше. За все это время мы не произносим ни слова, и только шуршание переворачиваемых листов раздается в тишине. Для нас с ним это сакральный момент восприятия нового, неизведанного нами мира, мы вдыхаем его аромат, наслаждаемся ритмами строк, ощущаем фактуру каждой страницы.

Потом Бродяга с сожалением кладет найденную книгу на небольшой журнальный столик, стоящий между двумя креслами, и опускается в одно из них. Я в это время растапливаю камин и занимаю второе. Мы оба закуриваем, я – трубку, он – сигарету, и начинается обсуждение.

И еще он никогда, ни разу на моей памяти не спускался в подвал, туда, где расположено книгохранилище.

Вот такой он, Бродяга, мой странный и единственный друг.

*****

На следующее утро я проснулся неожиданно поздно. Накинув халат, я вышел из спальни в холл. Судя по беспорядку, царившему на журнальном столике, и по отодвинутому к окну креслу Бродяга встал уже давно. На подоконнике корешком вверх лежала раскрытая примерно на середине кни-

га, взятая явно из кабинета. Я сокрушенно покачал головой. Бродяга принципиально не пользовался закладками, и для обозначения интересующих его в книге мест пользовался варварскими для меня способами – загибал уголки страниц либо просто откладывал раскрытую книгу вверх обложкой. Отучить его от первого способа стоило мне немалых трудов, и на этом процесс застопорился. Аккуратно закрыв книгу, я затушил дымящуюся в пепельнице сигарету и направился вниз, откуда уже доносились восхитительные ароматы жарящейся яичницы с беконом и тостов.

– Ага, соня! Проснулся наконец-то! Я уж думал завтракать без тебя. – Бродяга стоял посреди кухни с шипящей сковородкой в руке, в моем, между прочим, фартуке. – Иди быстро умывайся, Домосед! На твою долю я тоже сготовил, скажи спасибо!

– И тебя с добрым утром, Бродяга! Я мигом!

Яичница оказалась невероятно вкусной. Всегда удивляюсь, почему так получается. Готовим из одних продуктов, а у него яичница такая выходит, что с моей и сравнивать не стоит. Просто объеденье. Хотя, всегда утешаю я себя, ничего, кроме нее, Бродяга в моем доме не готовит. То ли не умеет, то ли не хочет – кто его разберет!

Доев яичницу, он достал из холодильника пару бутылок пива.

Я посмотрел на него укоризненно:

– Давай лучше кофе выпьем! Сейчас сварю...

– Вари, вари... Только себе. У меня, можно сказать, первый день оседлой жизни, так что имею право! – Бродяга откупорил бутылку, сделал хороший глоток прямо из горлышка и, довольный, откинулся на спинку стула. – А чего ты на меня так смотришь?

– Знаю я твой первый день. Он у тебя теперь каждое утро будет таким же. До самого последнего. – Я засыпал кофе в турку и поставил ее на плиту.

Бродяга допил первую бутылку, поставил ее под стол и открыл вторую, глядя на меня лукавым взглядом.

– Ты за меня не беспокойся, ты лучше за кофе смотри! А то убежит, и я опять виноватым выйду!

После завтрака мы вышли прогуляться в сад. Палые листья шуршали под ногами, где-то в тени деревьев пела свои немудреные песни какая-то пичуга. Солнце светило ярко, но было по утреннему свежо. Что и говорить, осень есть осень. Дойдя до ограды, мы остановились и закурили. Я – трубку, он – сигарету. Мы курили и смотрели на лес, разукрашенный осенью в яркие желто-красные тона, на речку, в которой отражалось небо, глубокое до синевы. По небу бежали тонкие-тонкие белые облака, как перышки, проносились они в вышине и скрывались вдаль. Бродяга глубоко затянулся, медленно, тонкой струйкой, выпустил из легких дым и взглянул на меня.

– Слушай, Домосед! Неужели тебе и в правду не разу не хотелось по настоящему выйти из дома? Взять рюкзачок, ки-

нуть в него пару бутербродов да флягу с водой и пойти по дороге, вперед. Дойти хотя бы вон до того леса, побродить по его тропинкам, посидеть на полянках. Посмотреть, как ветер гуляет в кронах деревьев, вдохнуть его запах. Ты хоть знаешь, Домосед, как лес пахнет осенью? Ты не представляешь, какой это дивный аромат! Запах прелой листвы и созревших плодов, запах сырости, но при этом удивительно свежий, бодрящий! Этого не передать словами, это нужно почувствовать, хоть раз в своей жизни почувствовать, Домосед! Перекусить в полдень бутербродами, глотнуть воды из родника, а после прилечь на травке и вздремнуть пару часиков под шум листвы. А к вечеру можно вернуться домой, но ты почувствуешь себя другим человеком! А, Домосед?

Я промолчал, раскуривая потухшую было трубку. Да и что я мог ему ответить? Сказать, что мне никогда не хотелось вот так взять и бросить все и выйти на дорогу с рюкзаком за спиной, было бы неправдой. Бывало, что ничтожная грань отделяла меня от этого, казалось, еще капля, и уйду, сам не зная куда. Но одно останавливало меня – я боялся, что если уйду, то могу не вернуться. Просто не захочу. А если и вернусь, то, действительно, совсем другим человеком. И я не знаю, хуже он будет или лучше, чем я нынешний. Все может быть. Возможно, что так было бы и лучше, но я не хочу. Я слишком привык к себе нынешнему, что бы менять его на кого-то чужого, незнакомого. Пусть это слабость, но это моя слабость, слабость того, какой я есть и каким хочу остаться.

И точка.

Бродяга тоже молчал, только огонек его сигареты жил, то вспыхивая ярким угольком, то угасая в столбике слоистого серого пепла. Потом он хлопнул меня по спине и, не оборачиваясь, пошел к дому. Я постоял еще минут десять, глядя на лес за рекой, потом выбил трубку и пошел следом за ним. Сегодня вечером я покажу ему свою последнюю находку.

*****

В начале ноября выпал первый снег. За неделю до этого я уже чувствовал, как в Бродяге растет беспокойство. Его все стало тяготить, он ходил, неприкаянный, из комнаты в комнату, не зная, чем себя занять. И я понял – он скоро уйдет. Перед уходом я выдал ему крепкие теплые зимние ботинки и кожаную куртку на синтепоне. От всего остального он отказался.

Уже у калитки, когда мы прощались, я спросил его:

– А, может, все же останешься, Бродяга? Ну хотя бы до весны, а? Будем сидеть вечерами в холле, топить камин и листать древние фолианты. Ты будешь пить крепкое темное пиво, а я – сладкие солнечные вина, и мы будем говорить с тобой обо всем на свете, спорить друг с другом, соглашаться. Оставайся, а как весной сойдет снег, пойдешь бродить в свое удовольствие!

Бродяга улыбнулся мне в ответ и покачал головой.

– Пока, Домосед! Не скучай, увидимся!

Мы пожали друг другу руки, и он вышел на дорогу. И дорога подхватила его, увлекая за собой вдаль, за холмы, туда, где я ни разу не был. Шел снег, он падал на землю крупными хлопьями, кружился в воздухе, скрывая от меня удаляющуюся фигурку.

Я смотрел вслед бродяге до тех пор, пока он не скрылся в этой снежной пелене, не слился с горизонтом, и думал о том, как же все странно получается. Мы с ним – как две половинки одного целого, только он – Бродяга, а я – Домосед. Нам с ним хорошо вместе, но мы очень разные, и до конца понять друг друга нам не дано. Наши редкие встречи – радость, но, возможно, по этому они и редки. Долгие промежутки нашего одиночества – наверное, именно они дают нам понять то, насколько мы друг другу необходимы. В этом огромном пустом мире, в котором существуем только мы вдвоем – как еще можно сохранить остатки разума и по-прежнему радоваться друг другу! Только так.

Правда, иногда меня смущает один вопрос – так кто же кого из нас создал? Я – его, или он – меня? Но на самом-то деле, если вдуматься, это не так уж и важно.

Январь, 2003г.